

КЪ ПОРТРЕТАМЪ Ю. П. АННЕНКОВА

Автопортретъ Юрія Павловича Анненкова, живущаго теперь въ Парижѣ, вы можете видѣть, во первыхъ, на цвѣтной репродукціи, прилагаемой къ настоящему № журнала: „Портретъ З. П. Анненковой“ (сестра художника) и, во вторыхъ, на рисункѣ, гдѣ онъ изобразилъ себя сидящимъ на „буржуйкѣ“ въ валенкахъ, варешкахъ, шубѣ и съ дымовой трубой во рту. Рисунокъ помѣченъ „Зима 1919—1920 г. Петербургъ“. Да, мы тогда померзли...

Прихотливо и остро, гдѣ надо, вьется линия на этомъ рисункѣ, подчеркивая все, что хотѣлъ сказать художникъ. Линія говоритъ... и, при этомъ, съ большой долей насмѣшки автора надъ собой и новымъ... бытомъ. Ничего не забыла эта „лукавая“ линия, все подчеркнула, все выявила и прежде всего — примиреніе художника съ окружающей его дѣйствительностью и его приспособляемость къ новой обстановкѣ. Что дѣлать! Приспособлялись... „Есть время грѣться у печки, и есть время быть „дымоходомъ“ для нея“... Не хотѣлъ ли сказать нашъ художникъ, что русскаго человека и русское искусство ничѣмъ не проймешь?..

Но оставимъ „автопортретъ“ и перейдемъ къ портретамъ. Они примѣчательны во многихъ отношеніяхъ.

Вотъ поэтесса А. Ахматова.

Дай мнѣ горькіе годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жаръ,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный пѣсенный даръ, —
Такъ молюсь за Твоей литургіей
Послѣ столькихъ томительныхъ дней,
Чтобы туча надъ темной Россіей
Стала облакомъ въ славѣ лучей...
(„Бѣлая стая“).

Мотивъ другой книги Ахматовой „Четки“ — это „Слава тебѣ, безысходная боль“!.. Слова:

„томленіе“, „мука“, „скорбь“, „тяжесть“, „горькій“ встрѣчаются здѣсь въ каждомъ почти стихотвореніи. Любимый цвѣтъ поэтессы — черный.

Удивительно рассказалъ художникъ душу Ахматовой въ портретѣ. И посмотрите, какими скудными средствами онъ это сдѣлалъ. Въ сущности говоря, одной какой-то, ему только извѣстной линіей. Эта линія, выросшая изъ „любимаго цвѣта“ Ахматовой — черного, съ безграничнымъ упорствомъ и увѣренностью въ

себѣ даетъ овалъ лица, форму носа, губъ: дѣлаетъ лебединую шею; рвется на части въ глазахъ и бровяхъ, но съ тѣмъ, чтобы „заговорить вслухъ“ о душевной боли поэтессы. И вы, чѣмъ дольше глядите на портретъ, тѣмъ яснѣе слышите языкъ такой линіи. Довольно и этого портрета, чтобы судить о степени и характерѣ большого таланта сравнительно молодого еще художника. (Род. въ 1889 г.).

А. Ремизовъ...

Конечно, это онъ, увидѣвшій въ злую петербургскую зиму 20-го года, при мерцающемъ свѣтѣ „коптилки“, „домового“, который выльзъ изъ окостенѣвшей отъ холода печки, дуетъ на свои пальцы, подпрыгиваетъ и что-то говоритъ на языкѣ, понятномъ только Ремизову. Этотъ его не то слушаетъ, не то „метафизически“ разсматриваетъ, провѣряя въ то же время и самого себя.

Писатель весь вошелъ въ свое положеніе. Голова въ плечахъ. На груди свитеръ. Поверхъ свитра, очевидно, что-то женское... Все равно! Вѣдь въ комнатѣ 1° тепла. Не бритый, — до бритья-ли въ такой температурѣ!.. Ну, а муха зачѣмъ? Неужели не понимаете?! Это, такъ сказать, послѣдняя муха и помѣстилась она на лбу, гдѣ все-таки теплѣе умирать, чѣмъ на голой — холодной стенѣ. Ремизову же въ данный моментъ, конечно, не до мухи, — онъ „разъясняетъ“ домового...

Ю. П. Анненковъ. — Портретъ Анны Ахматовой

И здѣсь — линия, знакомая уже намъ, но теперь она, что называется, „загуляла“. Есть на чемъ! Цвѣточками разсыпалась по женской кофтѣ, намѣтила чуть-чуть свитеръ, посмѣялась надъ небритымъ подбородкомъ, „поломалась“ на овалѣ лица и головы, взбила „рожками“ волосы, черкнула угломъ по лбу и завертѣлась въ бровяхъ, насупивъ ихъ къ глазамъ, у которыхъ такая невиданная и сложная работа...

Н. Н. Евреиновъ...

Режиссеръ „Кривого Зеркала“; авторъ десятка театральнѣйшихъ пьесъ; проповѣдникъ театрализованной жизни; изслѣдователь театра чуть-ли не въ „допотопное время“; музыкантъ и композиторъ; эстетъ, призывающій къ тому, чтобы каждый человекъ былъ прежде актеръ, а потомъ человекъ и потому принципъ „театръ для себя“ проводящій въ собственной жизни; „современникъ“ съ головы до ногъ, въ сущ-

ности говоря, убѣжденный въ томъ, что „весь миръ играетъ комедію“, но не понимаетъ этого, а онъ, Евреиновъ, сіе понялъ.

Глазъ „анненковскаго Евреинова“ настойчиво заявляетъ вамъ о такомъ „пониманіи“. Саркастическая улыбка губъ въ ихъ углахъ продолжаетъ это „заявленіе“, въ истинности котораго для „портрета“ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Художникъ отдалъ здѣсь дань кубизму. Плоскости и тѣни ихъ играютъ, ломаются на лицѣ и въ волосахъ. Подъ послѣдними вы замѣчаете вдругъ, именно, надъ лбомъ, какое-то прикрытіе, „шапочку“, облегающую черепъ. Представьте на мигъ, что волосъ нѣтъ, и тогда подъ этой „шапочкой“ окажется лицо... Арлекина которому совсѣмъ не легко, что онъ понялъ „комедію жизни“. „Кубическій гримъ“ только подчеркиваетъ все это. Кубизмъ, та-

Ю. П. Анненковъ. — Портретъ А. М. Ремизова

кимъ образомъ, не былъ цѣлью художника. Форма для него не самоцѣль, а только средство. Онъ взялъ его тамъ, гдѣ она помогла ему выявить желанное содержаніе, и бросилъ, когда ее использовалъ, — о послѣднемъ говоритъ классически-кованная линія правой стороны лица и подбородка.

Г. Уэллсъ...

Я помню, съ какимъ уваженіемъ мы разсматривали эту фигуру, этого „выходца съ того свѣта“, когда онъ появился у насъ въ Петербургѣ въ 20-мъ году. Мнѣ лично довелось его видѣть въ бывшемъ Тенишевскомъ училищѣ, гдѣ школьники сообщили знаменитому писателю, что читали его произведенія. Переводчикомъ служилъ Чуковский. Въ своей шумѣвшей книгѣ „Россія во мглѣ“ Уэллсъ предположилъ, что эти школьники были начитаны „комплимента ради“. Англичанинъ не могъ допустить такой начитанности русскихъ дѣтей, сравнивая, очевидно, ихъ съ англійскими.

Уэллсъ былъ культурно одѣтъ и съ сигарой во рту. Ему было тепло и сытно во всѣхъ отношеніяхъ. Мы имѣли $\frac{1}{4}$ фунта хлѣба въ день, ходили въ отрепьяхъ и курили махорку въ газетной бумагѣ. Крѣпостью, сколоченностью, самоувѣренностью вѣяло отъ всей фигуры британца.

Такимъ онъ „видится“ и на портретѣ Анненкова, гдѣ не забыть и „культурный проборъ“ на головѣ англичанина. И здѣсь художникъ „черкнулъ“ кубическими плоскостями, но, развѣ онѣ не усиливаютъ наше впечатлѣніе упорства и силы націи, представителемъ которой является Уэллсъ?..

Замѣчательнень также и портретъ А. Волинскаго, автора интересныхъ трудовъ о Достоевскомъ, классической работы о Леонардо да Винчи, за которую онъ получилъ отъ Италіи званіе „почетнаго гражданина г. Милана“, со-

здателя въ голодные годы новой школы балета, философа этой отрасли искусства, энтузіаста съ головы до ногъ, правовѣрнаго идеалиста, несмотря на весь російскій марксизмъ, аскета въ своей домашней обстановкѣ, интереснѣйшаго собесѣдника, нервнаго, пламенно вѣрующаго въ добытыя имъ истины, остраго мыслителя.

Худошавое, изрѣзанное морщинами, сухое лицо портрета, гдѣ каждая черта говоритъ о громадномъ количествѣ нервной острой силы, глаза, отъ пристальнаго взора которыхъ вы не можете никуда уйти, тонкія сжатые губы, приподнятыя брови и этотъ непокорный клокъ волосъ надъ высокимъ лбомъ свидѣтельствуютъ, какъ близокъ былъ оригиналь художнику, какъ послѣдній овладѣлъ структурой духовнаго облика своей модели.

Ю. Анненковъ счастливо избѣгнулъ въ своемъ творчествѣ увлеченія разными „футуристическими тенденціями“ вплоть до безпредметной живописи. Онъ жилъ и работалъ въ Россіи въ опасный моментъ для искусства, когда „лѣвые художники“ оказались въ исключительномъ положеніи у предержавшихъ властей, какъ под-

линные революціонеры, когда эти „революціонеры“ давили все, непохожее на нихъ, пока сами не удавились... Нашъ художникъ, какъ мы видѣли, отдалъ должное футуризму, но превозмогъ его, взялъ лучшее, что онъ могъ дать, и пришелъ къ формѣ, отвѣчающей требованіямъ подлиннаго искусства, не порывающаго съ традиціями великихъ мастеровъ, но пользующагося послѣдними, чтобы слить съ ними то хорошее новое, что даетъ современность, какъ со стороны формы, такъ и содержанія. Цвѣтная репродукція портрета З. П. Анненковой наиболѣе характерна въ этомъ отношеніи.

Н. И. Мишеевъ

Ю. П. Анненковъ. — Портретъ Н. Н. Евреинова

Ю. П. Анненковъ. — Портретъ Г. Уэллса

ИВАНЪ ЛУКАШЪ

ЗЕЛЕНЫЙ ОСТРОВЪ

Истинныя приключенія и страданія русскаго штурмана Алексѣя Морозова

(Продолженіе)

Чаша рѣдѣла, даль дымящихъ болотныхъ трясинъ открылась предо мною.

Я поднялъ голову и задрожалъ отъ восхищеннаго ужаса...

Далеко, подъ созвѣздіемъ, на вершинѣ холма горѣло ожерелье огней.

Огни опоясали тамъ очертанія высокаго темнаго корабля.

Свѣтились всѣ люки, нить огней бѣжала по борту, по снастямъ, мачтамъ, трубамъ. —

Свѣтится волшебный корабль, какъ будто въ черную ночь идетъ при полныхъ огняхъ, въ океанѣ...

Израненный, искусанный травами, я карабкался вверхъ по мхамъ.

Изъ трясинъ торчали огромные валуны, какъ сѣрые лбы. Почва стала кремнистой.

Корабль былъ теперь виденъ весь.

Зеленя палубы и зеленя трубы казались горными террасами или колоннадами. По многоэтажному корпусу я узналъ въ зеленѣющей громадѣ океанскій пароходъ, водяной небоскребъ американской стройки.

Ночная иллюминація погасла. Стекла люковъ горѣли, какъ безчисленные ряды червонцевъ...

Тамъ, высоко на холмѣ лежалъ заросшій зеленью океанскій пароходъ.

Его носъ повисъ въ тускломъ воздухѣ, надъ трясиной.

На палубѣ дохнулъ на меня прохладный вѣтеръ...

Палуба, какъ пустая улица вымершаго города. Подъ шагами хруститъ песокъ.

Я выбрался на верхнюю палубу и очутился на зеленомъ хлѣбномъ полѣ: пшеница колышется подъ вѣтромъ...

Я побѣжалъ по тропинкѣ вдоль желѣзныхъ стѣнъ каютъ, заглядывая въ окна, пересѣченныя косыми столбами солнца. Пустыя амфилады залъ, салоновъ, столовыхъ... Все пусто, въ разрушеніи, въ хаосѣ... По бортамъ свѣшивались клубки травъ.

Я выбѣжалъ за уголь и отпрянулъ.

Предо мной высилась квадратная глыба льда, опутанная желѣзными канатами. Ледъ таялъ, дымился. На половицахъ растеклась темная вода.

А въ прозрачной, голубоватой глубинѣ льда, пронизанной изломами солнечныхъ лучей, былъ ясно виденъ старинный боть.

Лохмотья темныхъ парусовъ повисли на мачтѣ. Треснувшая, она бѣлѣла, на переломѣ, точно ее сломило вчера... Свѣтилась позолоченная чешуя деревянной дѣвы, украшающей носъ.

Конецъ мачты, толстое бревно, обитое мѣдными обручами, охватилъ руками и ногами человекъ, приникъ.

Я вижу во льду его спину, суконную черную куртку съ пуфами на рукавахъ, жесткія, черныя пряди волосъ, разсыпанныя по широкому воротнику изъ желтыхъ кружевъ. Его жилистыя ноги въ чулкахъ, на тупоносомъ башмакѣ, мрачнымъ, краснымъ огнемъ пылаетъ въ глубинѣ льда мѣдная пряжка...

Темный мертвецъ во льду — старинный голландскій матросъ.

Чье-то горячее дыханіе повѣяло мнѣ въ затылокъ...

Я оглянулся...

За мной стоялъ старикъ въ стоптанныхъ туфляхъ, въ бѣломъ, рваномъ халатѣ. Его сивые волосы метало вѣтромъ. Его глаза округлились отъ страха и восхищенія.

Старикъ раскинулъ руки и рванулся ко мнѣ съ гортаннымъ, длиннымъ крикомъ:

— Человѣкъ!

Я крикнулъ также длинно, гортанно. Мои поднятыя руки затряслись...

Въ мгновеніе онъ былъ рядомъ со мной. Мы точно спаялись, мы оба упали на колѣни у ледяной глыбы, и такъ, на колѣняхъ, молча, смотрѣли другъ на друга, точно молились — дыша сквозь ноздри отъ радостнаго ужаса, отъ напора дикихъ, благодарныхъ слезъ.

Морщинистое, загорѣлое лицо старика, бѣлые волосы, орлиный носъ, прозрачные, пристальные глаза — все проглотилъ я мгновенно...

Хлынули рыданья и все померкло.

— Человѣкъ, человекъ, — бормоталъ надо мной старикъ, — Я не совсѣмъ забылъ человѣчскій языкъ... Я былъ одинъ... Я онѣмѣлъ... Но нѣтъ, Боже Великій, я говорю, вотъ я говорю...

— Гдѣ я... Зеленый корабль... Ущелье... Травы... Мертвецъ во льду...

Вы... Сонъ... Смерть...

Мы сидимъ другъ передъ другомъ на корточкахъ, точно китайцы. Все легче я понимаю его смѣсь нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ, шведскихъ словъ.

У него нѣтъ справа зубовъ и тамъ вдавлена коричневая морщинистая щека... На лысомъ лбу — сѣрый шрамъ. Вѣтеръ несетъ бѣлымъ вѣнцомъ волосы, какъ у пророка.

— Нѣтъ, не сонъ, не смерть... Вы на пассажирскомъ кораблѣ.

— А люди?

— Я одинъ.

— Вы остались живымъ при кораблекрушеніи?

— Нѣтъ, мое крушеніе было раньше...

Старикъ встаетъ, откинувъ движеніемъ головы сивыя пряди съ глазъ. Онъ прихрамываетъ.

— Тутъ одинъ я и мертвые корабли... Вы увидите тутъ мертвецовъ вашей войны, вашъ грандіозный Титаникъ...

— Титаникъ... Онъ наткнулся на ледяную скалу, въ 1911 году, — я помню его крушеніе.

— Да, въ 1911 году... До вашей войны... Но я отсталъ... Книги на корабляхъ подмо-

Ю. П. Анненковъ. — Портретъ А. Л. Волинскаго

чены — я высушил их... Но вотъ десять лѣтъ, какъ теченіе не приносить сюда ни одного новаго гостя...

Вдругъ въ глазахъ старика, какъ отблески молніи въ зеркалѣ, пролетѣлъ ужасъ. —

— Рвите! — крикнулъ онъ. — Рвите, вы въ травахъ! — Скорѣе!

И сталъ сбрасывать съ меня вороха курчавки.

Я былъ покрытъ зеленымъ налетомъ противной слизи, въ родѣ той, что бываетъ на доскахъ, гніющихъ въ водѣ.

— Идемъ въ каюту, вы измучены.

Онъ живо подхватилъ меня подъ руку, почти поволокъ, вдругъ отпрыгнулъ. —

— Нѣтъ, стойте... Вотъ уже пять дней я бьюсь надъ этимъ молодчикомъ, надъ замерзшимъ голландцемъ... Помогите мнѣ протолкнуть его въ лабораторію, — надавите плечомъ глыбу льда, — я пушу моторъ.

Онъ нырнулъ въ желѣзную дверь.

Гулко застрекоталъ моторъ.

Я уперся плечомъ въ ледъ. Онъ двинулся.

Желѣзные канаты со скрежетомъ впились въ ледъ. — Качаясь, ледяная глыба съ темнымъ мертвецомъ поползла въ дверь лабораторіи.

— Прекрасно! Спасибо! — гортанно крикнулъ старикъ. — Теперь ступайте отдыхать... Я приду позже... Конденсаторъ уже въ работѣ.

Желѣзная дверь захлопнулась. Я остался одинъ.

— Сонъ, сонъ, — все кричало во мнѣ. — Вотъ, я отопру сейчасъ темную дверь въ каюту страннаго старика, и проснусь.

И будетъ моя грязная койка на Святомъ Маврикіѣ, дрожащія отраженія солнца и воды на балкахъ потолка...

Открытка „Казанскій соборъ въ Петербургѣ“, приклеенная хлѣбнымъ катышемъ къ изголовью и топотъ ногъ надъ головою, на палубѣ, и сиплый крикъ Петерсена, —

— Вотъ, проснусь...

И я толкнулъ дверь...

Это каютъ — салонъ, высокое зало, у стѣнъ блещутъ металлическія трубы органа.

— Мнѣ это снится, снится, — думаю я, шагая между кресель съ изодраннымъ штофомъ.

У дубовыхъ столовъ, изъѣденныхъ морской солью, гдѣ свалены книги, приборы, машины, я вижу электрическія батареи, колѣнчатые насосы, манометры.

— Все это сонъ, — думаю я — не было ни шторма, ни ледяной скалы подъ Маврикіемъ, ни чудовищной зелени въ ущельи... И вотъ мнѣ снится, что въ фантастической каютѣ я ложусь на кожаную софу.

О, какъ хорошо вытянуть ноги... Мнѣ

Ю. П. Анненковъ. — Портретъ В. И. Мотылевой

пѣль аварію... Я читаль о вась... Вы погибли.

— Нѣтъ, я живъ, — засмѣялся онъ, — Идемъ завтракать.

Мы завтракали у величественнаго зеркальнаго окна въ каютѣ-салонѣ... Я ѣлъ за четверыхъ. Капитанъ разсказываль мнѣ, какъ нанесъ черноеземъ на желѣзныя палубы, какъ на затонувшихъ корабляхъ находилъ и провіантъ, и сѣмена и плуги, и машины, до тончайшихъ и рѣдкихъ приборовъ, — правда подмоченныхъ и разбѣденныхъ морской солью...

— Но, капитанъ—я смотрю на него черезъ столъ — но все это мой сонъ. Вы погибли въ 1890 году...

— Въ 1897 году, — такъ будетъ вѣрнѣе. Да, въ этомъ году я погибъ для земли.

Онъ скрестилъ на груди руки. Его лицо стало суровымъ и прекраснымъ.

— Это было 29 іюня 1897 года въ погожій, вѣтренный день, когда нашъ шаръ поднялся изъ гавани Виго на Шпицбергенъ, чтобы летѣть на сѣверный полюсъ... Со мной были мои отважные товарищи Стриндбергъ и Френкель.

Андре закрыль ладонами лицо. Онъ долго молчалъ.

— Френкель замеръ первымъ... А Стриндбергъ...

Стриндбергъ... Когда нашъ шаръ, точно издохшій ихтиозавръ, волочился по соленымъ снѣгамъ и льдинамъ, Стриндбергъ запутался въ веревкахъ, Стриндбергъ бился обледенѣвшей головой о мою грудь. Я держаль его... Онъ бредилъ... Онъ просилъ у меня пива... Да, онъ жаждалъ англійскаго чернаго портера съ пѣной... На 82°1' сѣверной широты и 15°5' восточной долготы я выпустилъ послѣдняго почтоваго голубя... Нашъ шаръ потерпѣль аварію... Онъ волочился по льдамъ, зачерпываль воду въ океанъ, его гнало въ бурю, въ туманъ... Тамъ мы погибли... И очнулся я на бѣломъ плато... Я знаю вы тоже оттуда были сброшены въ зеленое ущелье.

— Я самъ кинулся туда.

— А, такъ... Когда мы упали въ ущелье, Френкель былъ недвиженъ, а Стриндбергъ еще стоналъ... Это было двадцать восемь лѣтъ назадъ... Но мои руки были свободны... Я рваль веревки, грызъ зубами... Потомъ потерялъ сознание... И кто знаетъ, сколько дней лежалъ я такъ... Я очнулся отъ сосущей боли у шеи... Точно длинная пиявка охватила меня. Повель головой. Слева, справа, тамъ гдѣ лежали товарищи, высились зеленые хол-

мы... Заросли сочныхъ осокъ... И мои руки и грудь моя тоже были опутаны зеленью... Изъ ладоней моихъ росла полынь... Я задыхался... Но у меня достало силъ стать на ноги... Травы, травы... Тутъ все превращается въ травы... Много лѣтъ я боролся за себя, за товарищей... Ихъ могилы здѣсь, на кораблѣ.

Жить мнѣ помогъ — огонь — въ корзинѣ аэростата нашлась пачка шведскихъ спичекъ. Сначала я жилъ въ этой корзинѣ, но она расползлась въ кусты вереска... Тогда я и набрелъ на кладбище кораблей... Желѣзо и сталь сопротивляются дольше всего. Я жилъ на нашемъ русскомъ затонувшемъ крейсере „Русалка“. — Его вынесъ сюда океанъ. Я мѣняль многіе корабли. Жилъ на „Титаникѣ“, а теперь здѣсь: онъ выше другихъ... Сюда я и перенесъ два зеленыхъ холма — останки моихъ товарищей... Еще десятки лѣтъ я буду защищаться желѣзомъ и огнемъ отъ зеленой смерти... Смотрите! —

Андре широко откинулъ занавѣсъ у окна:

— Вы видите тамъ — холмы...

— Да.

— Это корабли... Присмотрите... Тамъ, надъ трясиной грандіозное кладбище, катакомбы затонувшихъ ко-

раблей. Они сбиты другъ на друга, они стоятъ дыбомъ, они повалены, нагромождены. Зелень уже охватила, уже сплела ихъ въ горы зарослей и мховъ... Вотъ лѣвѣе, какъ три низкихъ зеленыхъ колонны, — трубы „Титаника“... Тамъ бриги, фрегаты, затонувшіе крейсера, пассажирскіе пароходы, броненосцы... Они поднимаются зелеными террасами все выше и выше къ Золотому Пику... Вы видите тамъ, вдали, за холмами эту золотую скалу. Тамъ царить холодъ. Тамъ начинаются горные льды... Тамъ я нашель замерзшаго матроса. У самой вершины, въ огромныхъ прозрачныхъ льдинахъ, я тамъ видѣль когда-то, какъ будто портики храмовъ, колоннады... Это страна зеленой смерти, — это великое кладбище океана...

— Но гдѣ мы капитанъ?

— За Сѣвернымъ Полюсомъ... Кругомъ на тысячи лье непроницаемые хребты ледяныхъ скалъ, тьма, замерзшій воздухъ, гдѣ умираетъ все живое... А мы съ вами на болотномъ островѣ, въ разсѣлинѣ среди скалъ, на клочкѣ зеленой суши за Сѣвернымъ Полюсомъ...

— Но почему тутъ тепло, зелень, свѣтъ?

— Я вамъ скажу. Тамъ, гдѣ Золотой Пикъ, — островъ кончается. Тамъ открытый оке-

Ю. П. Анненковъ. — „Автопортретъ“
(Зима 1919 — 1920)

игралъ Себастьяна Баха и католическіе хоралы.

И горѣла ночью зловѣщая чллюминація. Корабль на скалѣ казался высокой тѣнью, очерченной электрическими точками. — Шипѣли во тьмѣ травы, подымаясь на непрерывный штурмъ, чтобы ихъ отбросило и сожгло электричествомъ...

Слушая гремящія фуги Баха,—я сидѣлъ, поджавъ ноги на койку, курица и крыса сидѣли на полу противъ меня. Онѣ понимали, что я думаю о землѣ...

Золотой Пикъ, о которомъ говорилъ Андре и этотъ загадочный путь въ открытый океанъ — я думалъ о тропѣ, протоптанной когда-то капитаномъ въ зеленыхъ, тяжелыхъ волнахъ трясинъ, надъ мачтами засосанныхъ въ топъ кораблей... Я думалъ объ океанѣ.

Капитанъ заперся въ лабораторіи. Изъ щели желѣзныхъ дверей курился паръ, я слышалъ сипящій звукъ какихъ-то машинъ.

Я былъ одинъ и часами оглядывалъ въ старый капитанскій бинокль туманный горизонтъ. Пятномъ красноватаго золота далеко маячитъ таинственный Пикъ.

Меня влекло къ нему, я искалъ дороги къ открытому океану.

Я рѣшилъ бѣжать съ острова.

Да, я рѣшилъ бѣжать и тайкомъ, какъ воръ, зашивалъ разлѣзлые мокассины капитана. Собиралъ въ мѣшокъ сухари, точилъ кирку, желѣзные крючья...

Когда я крадучись сходилъ по трапу, на борту сидѣлъ Математикъ, такъ звалъ я крысу, а рядомъ съ нимъ, поджавъ ногу, стояла моя кохинхинка. Они провожали меня. Вѣтеръ вздувалъ курицѣ на груди пухъ... Когда я найду дорогу къ океану, я вернусь за ними.

Ржавѣющія, заплѣсневѣлыя громады кораблей, сплетенныя зелеными потоками травъ, пышные своды надъ головой... Тишина великаго кладбища.

Я шелъ осторожно, чтобы не оступиться въ трясину. Ржавый блокъ краснѣлъ иногда въ зеленомъ сумракѣ, какъ необычайный жукъ, повисшій на желѣзной паутинѣ. Иногда

звенѣла подъ ногами стальная корабельная броня.

Къ вечеру тропа пошла въ гору.

Стали попадаться заинѣлые камни. На скалахъ холмовъ бѣлѣлъ снѣгъ.

Незаходимый закатъ румяно стылъ надъ холмистою далью.

Я стоялъ на высотѣ: камень скатился изъ подъ ноги. Черезъ минуту слышался глухой звукъ далекаго паденія. Я вдыхалъ горный воздухъ, въ немъ чудился солоноватый привкусъ океана.

На обрывы пришлось закидывать веревку. Хорошо, что я захватилъ съ собою крючья.

Такъ я поднялся на ледяной хребетъ и замеръ...

За хребтомъ, въ снѣговой долинѣ, высились огромные скелеты темныхъ чудовищъ, — крутя, загнутыя ребра, костяки... Тамъ были остовы замерзшихъ кораблей, о которыхъ говорилъ капитанъ.

Они разрушались въ прозрачныхъ льдахъ, точно костяки допотопныхъ бронтозавровъ.

Золотой Пикъ блился. Онъ выросталъ отвѣсной стѣной надъ ледяными скалами.

Я шелъ въ зеркальной галлерей льдовъ, засматривая въ ихъ глубину.

Таинственный разсѣянный свѣтъ, изломы солнечныхъ лучей, мягкій блескъ въ глубинахъ льда.

Разметавъ длинные наушники мѣховой шапки,

я отдалъ лицо свѣжимъ ударамъ вѣтра.

Я шелъ одинъ, высоко по бѣлымъ, нетронутымъ снѣгамъ. И пѣлъ.

Мой голосъ глухими перекатами отдавался въ просторѣ ущелій. Протяжное эхо возвращало отголоски. Казалось, что поютъ невидимые хоры, толпы воздушныхъ видѣній въ туманной мглѣ пропастей.

Пѣсня раскатывалась, какъ пушечная пальба.

Уже вечерѣло, снѣгъ просвѣчивалъ нѣжнымъ багрянымъ туманомъ, когда я переваливалъ ледяной хребетъ гробницы замерзшихъ кораблей.

Вѣтеръ ударилъ сильно, я едва стоялъ на ногахъ; предо мной открылся скатъ къ Золотому Пику, къ этой подернутой инеемъ червонной стѣнѣ.

Ю. П. Анненковъ. — Портретъ О. Б. Гальперинъ

Ю. П. АННЕНКОВЪ

ПОРТР. З. П. АННЕНКОВОЙ

ПРОЗРАЧНОСТЬ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
№ 16 1926 № 16

И. К. Айвазовскій. (Съ литогр. В. Тимма)

Н. И. МИШЕЕВЪ

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ

I

Иванъ Константиновичъ Айвазовскій родился въ 1817 г., умеръ въ 1900 г. Долгая жизнь. Почти все XIX-ое столѣтіе. А, если считать 1835-ый годъ началомъ художественной дѣятельности, то, слѣдовательно, болѣе

половины столѣтія охватила эта дѣятельность, результатомъ которой было... двадцать тысячъ картинъ. Среди нихъ многія — громадныя полотна.

И. К. Айвазовскій родился въ Феодосіи въ